

Предлог "В" как понятие

Частотный словарь и философская картина мира

Михаил Эпштейн

Все во мне, и я во всем.

Федор Тютчев

1. Язык мышления: лексика и грамматика

Лексика говорит с нами шумно и внятно, тогда как грамматика таит про себя свои заветные мысли. Обычно мы отождествляем смысл высказывания со знаменательными словами - существительными, прилагательными, глаголами. Но служебные слова - предлоги, союзы, частицы - выражают более глубокую, так сказать, бессознательную мысль языка, и задача филологов, философов, лингвистов - донести это грамматическое бессознательное до нашего сознания. Мы знаем, что хочет нам сказать тот или иной писатель, политик, мыслитель, но бываем глухи к тому, что упорно повторяя и "разжевывая", пытается внушить нам сам язык.

Одним из упущений философии в минувшие века было то, что она работала почти исключительно с существительными, реже с прилагательными, почти никогда - со служебными словами. "Идея", "сознание", "бытие", "материя", "субстанция", "форма", "закон", "противоречие", "универсалия"... Абстрактные существительные, которые доминируют в словаре классической философии, представляют мир назывательно, статично и провоцируют редукцию всех конкретных явлений к немногим общим понятиям. Поставленные, например, перед вопросом, "считать ли первичным бытие или сознание?" или "как согласуются законы природы со свободой воли?", мы оказываемся в плену тех философских решений, которые продиктованы самой структурой данного языка, основанного на примате имен существительных. Такой язык субстантивирует мир, т.е. превращает его в набор предметностей - идеальных или материальных, психических или физических.

Бертран Рассел отмечал в "Проблемах философии" (1912):

Даже среди философов широко признаются только те универсалии, которые обозначаются именами прилагательными и существительными, тогда как обозначаемые глаголами и предлогами обычно упускаются из виду. Этот пропуск имел очень большие последствия для философии; без преувеличения вся метафизика после Спинозы преимущественно определялась этим обстоятельством. Прилагательные и имена нарицательные выражают качества или свойства единичных вещей, тогда как предлоги и глаголы большей частью выражают отношения между двумя и более вещами. [1]

Действительно, у философии есть огромный и еще почти не тронутый языковой ресурс - так называемые "служебные слова": предлоги, союзы, частицы, артикли, а также местоимения. Они относятся к конкретным явлениям не редуцирующе, как общее к частному, а реляционно, как множители и преобразователи конкретных значений. Предлоги "в" и "с", союзы "как" и "что", частицы "бы" и "ни" обладают своей собственной значимостью, которая бессознательно актуализируется во множестве речевых актов. С философской точки зрения, грамматические слова и формы, такие как падежи, лица, формы залога и наклонения, именно в силу своей "формальности", обладают смысловым преимуществом перед теми категориями, которые выражаются лексически полновесными, знаменательными словами. Лексическое значение, будучи конкретным и специфическим, в качестве философской категории навязывается как всеобщее тем явлениям, которые под эту категорию подпадают. Например, понятие "материи" покрывает собой все разнообразие материальных явлений, от мухи до слона, от цветка до горы, вмещает их в себя и категориально замещает их собой. Грамматическое слово, напротив, не подводит "под себя" другие слова, не обобщает явления, а показывает разные способы их сочетаемости, соотносимости, которая и образует самый глубинный слой мыслимого.

Например, предлог "с" указывает на такое значение совместности, которое может относиться к самым разным явлениям и лицам ("я с друзьями", "собака с кошкой", "дождь со снегом"), не подводя сами эти явления под категорию "единство". Частица "бы" указывает на значение сослагательности, к какому бы действию оно не относилось ("пошел бы", "съел бы", "увидел бы"), в то же время не навязывая данным действиям абстрактно-предметной категоризации. Предлоги, союзы, частицы и другие "грамматические" слова не обобщают и не замещают конкретные предметности-мыслимости, а напротив, раскрывают множественность их отношений и соответственно умножают оттенки их значений: "свобода **от**(чего)", "свобода **в** (чем)" и "свобода **для** (чего)". **От, в и для** - разные смыслы свободы.

2. Частотный словарь как картина мира

Важность грамматических (незнаменательных) слов отражается в статистике речи: они неизменно занимают первые 20-40 позиций в частотных словарях большинства языков мира. Частотный словарь языка показывает, какие смыслы

и отношения наиболее необходимы людям для выражения мыслей и, следовательно, скрыто содержит в себе систему логических и эпистемологических категорий, которые должен выявить и объяснить философский анализ.

О мире мыслят не только философы, но и самые обыкновенные люди, которые не доискиваются общих принципов, а просто и здраво рассуждают о множестве конкретных вещей. В общем объеме словоупотреблений, отнесенных всякий раз к конкретной вещи и конкретной цели, неминуемо должны выразить себя и первопринципы, насколько они вообще выразимы в словах. Философам стоит прислушаться к тому, какие слова употребляются чаще других, поскольку без них не может обойтись сам язык. Таков совокупный и бессознательный результат мысли миллионов людей, думавших вовсе не о категориях, а о туфлях, зонтиках, погоде, соседях, книгах, политических событиях и т.д.

Под "философией обыденного языка" обычно понимается, вслед за поздним Л. Витгенштейном, изучение способов употребления слов в повседневной речи, тех правил, которым они следуют, и значений, которые они приобретают. Но как известно, язык не сводится к речи, он представляет собой синхронно-структурное целое, правила которого описываются грамматикой, а значения - словарем. Из всех видов словарей наиболее приближен к речевой практике частотный словарь, поскольку он описывает именно частоту вхождения языковых единиц в поток речи, степень их востребованности всеми говорящими. Философия обыденного языка никак не может ограничиваться изучением конкретных высказываний, она охватывает ту общую картину мира, которая складывается из всех совокупности речевых актов. Частотный порядок слов - это "всенародная", стихийно-демократическая система понятий, которую не может игнорировать философия, если она дорожит свидетельствами обыденного языка.

Удивительно, что философы практически никогда не прибегают к столь внушительному объективному свидетельству, предпочитая собственные логические умозаключения, которые, как правило, расходятся от одного автора к другому. Философы спорят о том, что первично: материя или сознание, свобода или необходимость, личность или история? Одни считают важнейшим и первоначальным понятие духа, другие - воли, третьи - существования, четвертые - бытия, пятые - мышления... А что думает об этом сам словарь - бескорыстнейший из свидетелей и неподкупный судья, глядящий на мир миллионами глаз? Мир - это мириады людей, по-разному мыслящих о мире. Что стоит на первом месте в их языке, то более всего значимо для их существования.

С точки зрения языка, "материя" или "сознание", "природа" или "идея", "единство" или "противоречие" - это понятия второстепенные, специальные, возникающие лишь в процессе дробления и уточнения более глубоких и всеобъемлющих свойств мироздания. Согласно "Частотному словарю русского языка" [2], слово "материя" делит места с 2172 по 2202 по частоте употребления

в русском языке со словами "самовар", "конференция", "партизан" и др. Таким образом, по свидетельству языка понятие "материи" примерно столь же важно для объяснения мироустройства, как понятия "самовар" или "партизан", - вывод, неутешительный для материалистов, которые ставятся тем самым в ряд малых фетишистских групп, наподобие поклонников самоварного чаепития. К огорчению спиритуалистов, металексема "дух - духовный" отмечена, по крайней мере в частотном словаре русского языка советской эпохи, примерно таким же или даже чуть более низким рангом; правда, совместно с металексемой "душа - душевный" она передвигается на 163 место, в ряд таких слов, как "между", "входить", "ничто", "второй", "понять", "всегда", гораздо более существенных для постижения фундаментальных свойств бытия.

Еще одно важнейшее понятие, положенное в основу многих философских систем - это "бытие" или "существование". Онтология как учение о бытии является центральным разделом таких значительных философий, как гегелевская и хайдеггеровская. Но язык часто обходится без утверждений о бытии или небытии того или иного предмета, обсуждает его конкретные свойства, не прибегая к "экзистенциальным" суждениям. "Быть" - важное, но не основное слово: в русском языке оно занимает по частоте шестое место, в английском - второе, во французском - четвертое. Другие категории, например, "разум" и "познание" (у рационалистов), "чувство" и "ощущение" (у сенсуалистов), "польза" и "деятельность" (у прагматистов), "воля" (у Шопенгауэра), "жизнь" (у Ницше), также отвергаются языком, всей суммой его употреблений, в качестве основополагающих.

Более существенны понятия "я" и "ты", выдвинутые Мартином Бубером, - они принадлежат к самым употребительным в любом языке, и никакое общение между людьми и объяснение мира не может без них обойтись. Бубер назвал местоименную пару "я - ты" "основным словом", определяющим диалогическое отношение как центральное в мироздании; если судить по словарю, отводящему этой металексеме 3-е место в русском и английском языках, он ошибся ненамного.

Сомыслие языку оздоравливает философскую мысль и оберегает ее от произвола. Язык как целое - это и есть мера, задающая правильное, соразмерное

понимание действительности. Но это понимание пребывает, так сказать, в бессознательном разуме целого народа или человечества, а донести его до сознания отдельной личности - это и есть дело философии, которая объясняет и толкует то, что говорит сам язык, как главный "отправитель" всех сообщений.

3. Грамматософия. ТНЕ и В. Определенность и вмещенность

Что же есть первоначало мира? - не по мнению того или иного мыслителя, а по мнению языка, которое может мыслителем разъясняться и обосновываться, но вряд ли оспариваться. Частотные словари разных языков имеют много общего между собой, по крайней мере в первых рядах наиболее употребительных слов. Они-то и заключают в себе то основное, что выделено в мироздании не тем или иным мыслителем, а совокупной мыслительной работой всех говорящих.

Как правило, во главе частотных списков идут **служебные слова**: артикли, предлоги, союзы, частицы. А также местоимения и функциональные глаголы, которые имеют формальный, грамматический, модальный смысл или вводят акты речи ("быть, мочь, сказать, говорить, знать"). [3] Только на четвертом десятке частотного списка начинают появляться существительные и прилагательные ("год, большой, дело, время, новый, человек...").

Вот десять самых употребительных слов русского и английского языка, в процентах к общему числу употреблений:

Русский язык

4,29 в

3,63 и

1,92 не

1,73 на

1,38 я

1,33 быть

1,32 что

1,31 он

1,30 с (со)

1,07 а

Английский язык

6.88 the

3.58 of
2.84 and
2.57 to
2.30 a
2.10 in
1.04 that
0.99 is
0.96 was
0.94 he

Несколько иначе выглядит английский список, если подсчитывать частоту лексем, а не отдельных словоформ, но общей словарной картины мира он не меняет:

6.18 the
4.23 is, was, be, are, 's (= is), were, been, being, 're, 'm, am
2.94 of
2.68 and
2.46 a, an
1.80 in, inside (preposition)
1.62 to (infinitive verb marker)
1.37 have, has, have, 've, 's (= has), had, having, 'd (= had)
1.27 he, him, his
1.25 it, its

Вверху частотного списка нет никаких субстанций и атрибутов, задающих - благодаря лексической конкретности - жестко обусловленную систему мышления. "Саморазвитие абсолютной идеи", "исторический материализм", "мир как воля и представление", "сублимация либидо", "стимул и реакция" - почти все эти слова можно найти лишь в самом низу частотных списков. Язык свидетельствует в пользу служебных слов, обозначающих те смыслы и модусы, без которых не могли бы общаться люди и не мог бы существовать мир. Все пребывает только "в" чем-то другом, через "и" присоединяется к чему-то другому, через "не" отрицается, через "на" - основывается на чем-то... Что именно в чем находится, что к чему присоединяется, что чем отрицается - это уже зависит от конкретного сообщения, а язык лишь приводит нам в услужение эти кратчайшие и "кротчайшие" словечки, которые лежат в основании всего множества сообщений, всех актов мысли.

И во главе их - самые служебные из всех: артикли, не имеющие никакого собственно лексического значения, а только придающие большую или меньшую степень определенности конкретным значениям существительных.

Самое употребительное слово в английском - артикль "the". [4] **Определенный артикль** вообще самое частое слово в тех языках, где он имеется, а на этих языках создана самая богатая словесность в мире: иврит, греческий, арабский, английский, немецкий, французский, испанский... Так, в английском языке определенный артикль - примерно каждое 15-ое слово в тексте (6.88% от всех словоупотреблений). Даже в тех языках, где артикль отсутствует, его различительную функцию отчасти берут на себя указательные местоимения и частицы, от которых он исторически образовался, - "этот", "тот", "такой", "вот", "вон".

Для философии всегда было важно найти такое слово (термин), которое заняло бы центральное место в системе понятий и, определяя все другие, само в наименьшей степени подлежало бы определению ("дао" в даосизме, "идея" у Платона, "материя" у Маркса, "жизнь" у Ницше, "бытие" у Хайдеггера...). Определенный артикль, **the**, и есть искомое философское слово слов, выдвинутое самим языком на первое место среди бесчисленных актов говорения о мире. (Исключение составляет лишь еще более универсальный *знак пробела*, который лежит в истоке самого говорения и письма - см. главу " "). Мир должен быть понят прежде всего через **артикль** - всесторонне **артикулирован**. **The** указывает на любую вещь как эту, отличную от всех других вещей в мире, и это свойство "**этости**" является начальным и всеопределяющим, как показывает многообразная практика языка. В какие бы предметные сферы ни заходил язык, какими бы профанами или специалистами, праведниками или грешниками он ни использовался, без артикля как определяющего и различающего элемента не обойтись в большинстве высказываний. **The** - наиболее абстрактный элемент языка, придающий смысловую конкретность другим элементам, это **конкретизирующая абстракция**, то "свое" для каждого, что является "общим" для всех. [4]

В русском языке это определительное, артикулирующее начало, вследствие отсутствия артиклей, выражено не столь резко, как в европейских (романских и германских). На первое место выдвигается другое фундаментальное свойство - "**вмещенность**". Оно выражено предлогом "в", опережающем все другие слова в частотном словаре (43 тысячи на миллион словоупотреблений, каждое 23-е слово в тексте). [5] "В"-структура определяет пребывание всякой вещи внутри другой: даже самое малое что-то вмещает, даже самое великое чем-то объемлется.

Русский язык берет мир в кольцо, в блокаду, представляя его как систему оболочек, в которой все является облеченным и облакающим. "Все во всем" - этот древний закон, выведенный Анаксагором, в русском языке выступает как синтаксическая привычка, как суммарная воля и мысль всех говорящих, их коллективное **языковое бессознательное**. Главное - не "это", а "в", через структуру которого любая вещь предстает окруженной и окружающей, притом, что эти круги входят друг в друга, наподобие звеньев одной цепи: окружающее само окружается тем, что оно окружает. Русский язык рассеян в отношении

определенности вещей и сосредоточен на их окруженности, пребывания внутри чего-то. Вещь определяется не сама по себе, в отличие от другой вещи, но через то большее, внутри чего она пребывает. Таково это мирообразующее в России свойство свернутости и заключенности.

По замечанию Л. Витгенштейна, "*сущность* ярко выражается в грамматике. /.../ О том, какого рода объектом является нечто, дает знать грамматика. (Геология как грамматика.)" [5] Возможно, имеется в виду, что грамматика охватывает высшие, "богооткровенные" законы мышления, которые, как "заповеди", предписаны языку в виде аксиоматических правил и обычно не подлежат обсуждению. Грамматика - это не то, **что** мы думаем, а **чем** мы думаем, когда говорим, или даже **то, что** думает нами; это бессознательное нашего мышления. Но философия как раз пытается прорваться к тем сущностям, которые лежат по ту сторону предметных слоев языка и мышления, так сказать, на самом дне быстротекущей речи. Поэтому философия - это прежде всего "**грамматософия**", а потом уже "**лексикософия**"; она больше всего заинтересована именно в тех моментах мышления, которые меньше всего контролируются самим мышлением, предзаданы ему, образуют негласную, неслышимую систему правил или проскальзывают в тех "незначительных" словечках, которые употребляются невольно, машинально, аксиоматически, автоматически.

Задача **грамматософии** - остранение, деавтоматизация именно этих наиболее стертых, привычных знаков мышления, в которых оно вдруг предстает неузнаваемо самому себе. **Грамматософия** - это раздел философии, который рассматривает фундаментальные отношения и свойства мироздания через грамматику языка, в том числе через призму служебных слов, а также грамматических форм и правил.

Одним из исторических источников грамматософии может служить так называемая "спекулятивная грамматика" (*grammatica speculativa*) - направление средневековой мысли, представленное Томасом Эрфуртским (первая четверть 14 в.) и его трактатом *De modi significandi* ("О модусах значения"), который долгое время приписывался Дунсу Скоту. Однако спекулятивные грамматики, или, как их называли, "модисты", следовали Аристотелю ("Об истолковании"), придавая универсальный и реалистический характер грамматическим категориям, тогда как современная грамматософия не может не учитывать витгенштейновскую "революцию" в философии языка, ориентацию на употребление, речевую динамику значений. Собственно, частотный словарь, как материал для философских умозаключений, представляет собой точку схождения "спекулятивной грамматики" и "философии обыденного языка", поскольку частотный словарь - основа "неспекулятивной грамматики", структурное обобщение практического, речевого использования лексических единиц.

Грамматософия изучает ту категориальность, которая потенциально содержится

в грамматических словах и формах, выражающих самые фундаментальные и часто выражаемые отношения мироздания. Классические трактаты Серена Кьеркегора "Или - Или" (Enten-Eller, 1843) и Мартина Бубера "Я и Ты" (Ich und Du, 1923) как раз и представляют собой опыты философского осмысления и категоризации таких "незаметных" и вездесущих формальных слов.

4. "В" как фундаментальное отношение

Далее мы подробнее рассмотрим метафизику предлога "в", самого употребительного слова русского языка и одного из самых частых в других европейских языках. [6] **В-модус** определяет отношения между наибольшим количеством явлений, как они мыслятся и выговариваются по-русски. Вот данные интернета - поискового мотора "Google" (на январь 2003 г.) Если выделить "в" и его вариант "во", как отдельные слова, интервалами с двух сторон, то поиск принесет 162 миллионов употреблений (отсюда можно сделать вывод, что вселенная русского интернета на данный момент состоит примерно из 3.7 миллиардов слов). Для сравнения: слово "сознание" употребляется 1 миллион 421 тысяча раз, а "материя" - 289 тысяч (во всех падежах). Из чего следует, грубо говоря, что незаметное понятие "в" несравненно важнее для понимания структуры "основных вещей", чем заезженные философией понятия "сознания", "материи" и т.д. Философии еще только предстоит ввести в поле своего анализа те **грамматемы-философемы**, которые бессознательно проникают собой язык, т.е. совокупное мышление всех говорящих. Без понятий "сознания" и "материи" можно обсудить множество вещей, важных для ориентации в бытии, а вот без "в" нельзя говорить ни о чем: ни о погоде **в** Москве, ни о новостях **в** газете, ни о красоте **в** творчестве Достоевского, ни о покупке хлеба **в** магазине...

Что было в начале: курица или яйцо? Так как яйцо пребывает **в** курице, а курица **в** яйце, то ответить на этот вопрос можно только одним логическим способом: в начале было **"в"**. Такова предложная метафизика этого анекдотического вопроса.

Этот же предлог получает глубокий смысл как первое слово Главной Книги, общепризнанного источника знаний по началам и концам мироздания. Библия, как известно, начинается предлогом **"в"**: **"В** начале (*бе-решиш*) сотворил Бог небо и землю". Само **"в"** как бы и образует начало всего, до неба и земли, до их разделения, даже до упоминания самого имени Творца

От анекдота до Библии... Попросту говоря, без "в" мы не можем ни вздохнуть (вобрать воздух **в** себя), ни выдохнуть (вернуть воздух **в** мир). Так же без "в" было бы невозможно мыслить и существовать, поскольку мышление в форме облекающего его мозга и тела всегда вброшено в том самый мир, который оно мыслит. В свою очередь, и мир, охватывая мысль своим физическим простором,

идеально помещается в пространство мозга.

Еще до разделения всего на сознание и действительность, идеальное и материальное, можно констатировать наличие модуса "в", по которому **ничто не может быть, не будучи в чем-то**. Без понятий "сознания" и "материи" можно обсудить множество вещей, важных для ориентации в бытии, а вот без "в" нельзя говорить ни о чем: ни о погоде **в** Москве, ни о новостях **в** газете, ни о красоте **в** творчестве Достоевского, ни о покупке хлеба **в** магазине...

"В" - это и есть кратчайший ответ на так называемый основной вопрос философии: что первично - мысль или мир? Первично именно "в" - взаимная окольцованность субъекта и объекта познания, их *вложенность друг в друга*. "В" - не составная и не производная, а простейшая и исходная структура **миромысли, бытезнания, в неразложимости, точнее, взаимовключенности бытия и сознания**. Философская система, **конгениальная языку** в его глубинном синтаксисе и в сумме всех речевых актов о мире, начинается не с понятий бытия или сознания, а с того простейшего, что включает их друг в друга - с предлога "в". Я всегда застаю свое сознание уже в мире, и вместе с тем всегда застаю мир внутри своего сознания.

5. "В" и основной вопрос философии

Далее мы попытаемся соотнести **основное слово русского языка**, предлог "в" - с тем, что считается **основным вопросом философии**.

Вопрос об отношении сознания и материи, при всей его кажущейся концептуальной "избитости", не перестает будоражить философские умы. Не только сходящий со сцены марксизм объявил этот вопрос центральным для философии, - он находится в фокусе и многих новейших, восходящих движений научной мысли.

В современной психологии, эпистемологии, когнитивистике (cognitive science) и философии сознания (philosophy of mind) по вопросу соотношения сознания и действительности (материи, тела, мозга) выделяются такие направления: материализм, физикализм, натурализм, функционализм, эссенциализм, дуализм, телеологизм, элиминативизм, эпифеноменализм, интеракционизм, панпсихизм, солипсизм, имманентный монизм, репрезентализм, интернализм, экстернализм, редукционизм, логический бихевиоризм, нативизм, коннекционизм, компьютерационализм, и другие.

Причем многие из этих направлений еще делятся на более частные разновидности или допускают смешанные подходы: семантический физикализм, нередуктивный материализм, натуралистический дуализм и т.д. Но

все они так или иначе решают вопрос об отношении сознания и материи, ума и тела, мысли и мозга, понятия и действительности, ментальных и физических состояний (consciousness and matter, mind and body, thought and brain, concept and reality, mental and physical states). [7]

Не рассматривая всех имеющихся направлений, хотелось бы далее предложить **лингво-философский**, или **логико-грамматический** подход к проблеме. Если согласиться с Б. Расселом, что "прилагательные и имена нарицательные выражают качества или свойства единичных вещей, тогда как предлоги и глаголы большей частью выражают отношения между двумя и более вещами", то не следует ли отсюда, что для выражения **отношений** между сознанием и действительностью нам нужно искать категории не среди имен, а среди предлогов?

Рассел далее пишет:

"Итак, пренебрежение предлогами и глаголами привело к убеждению, что всякое суждение приписывает свойство единичной вещи, а не выражает отношение между двумя и более вещами. Отсюда делалось предположение, что в конечном счете может быть только одна вещь в мироздании, или, если имеется много вещей, они не могут как-либо взаимодействовать, поскольку взаимодействие есть отношение, а отношения невозможны.

Первый из этих взглядов, защищаемый Спинозой, а в наши дни Брэдли и многими другими философами, называется монизм; второй, защищаемый Лейбницем и ныне не очень распространенный, называется монадизм, поскольку каждая из этих отдельных вещей называется монадой. Обе эти противоположные философии, хотя и вполне интересные, проистекают, на мой взгляд, из неподобающего внимания к одной разновидности универсалии, а именно такой, которая представлена прилагательными и существительными, а не глаголами и предлогами". [8]

И монизм, и монадизм рассматриваются Расселом как дискурсивные стратегии, привязанные к тем универсалиям, которые выражены существительными и прилагательными и обозначают субстанции и свойства. Это относится и к дальнейшим подразделениям данных стратегий, таким как идеализм и материализм - две формы монизма. Они противопоставляются по линии тех универсалий, которые объявляются первичными: идеальное или материальное; но при этом обе универсалии остаются знаками субстанций, а не отношений.

Отношение же этих субстанций, по сути, является инвариантным для материализма и идеализма и передается универсалией-предлогом "в" и универсалией-глаголом "определять". В споре о сознании и материи, который ведется на протяжении веков, тезисы двух версий монизма можно предельно кратко изложить так:

Мир существует только в сознании

Сознание существует только в мире

Возможны альтернативные формулировки, где вместо "мир" будет выступать "бытие", "материя" или "действительность", а вместо "сознание" - "дух" или "идеальное". Вместо предлога "в" может выступать предлог "внутри".

Материальное пребывает только внутри идеального, например, в сознании Бога или в разуме Единого.

Идеальное пребывает только в составе материального, например, в деятельности человеческого мозга.

Наконец, отношение между двумя именованными членами этой формулы может быть выражено глаголом "определять" ("детерминировать"):

Бытие определяет сознание.

Сознание определяет бытие.

Глагол "определять", т.е. задавать предел, ограничивать, окружать собой, помещать внутрь себя, содержит в себе то же семантическое ядро (сему, универсалию), что предлог "в". "Определять" - это развертка в **действии** того, что "в" обозначает как **чистое отношение**: делать так, чтобы нечто находилось **в** чем-то другом, помещалось внутри другого, ограничивалось им как пределом. Выражение "бытие определяет сознание" означает: "бытие делает так, что сознание **в** нем находится, о-предел-яется им". Таково же значение и глагола "де-термин-ировать", буквально "о-гранич-ивать", "о-предел-ять", от латинского "terminus" (пограничный камень, межевой знак) и "terminare" (размежевывать, ограничивать, замыкать).

Как же философема **В**, которая скрыто или явно выступает в формулах основного вопроса философии, предлагает решать проблему "материального" и "идеального"?

Не на путях идеалистического или материалистического **монизма**, которые устанавливают одно начало первичным, а другое - вторичным, производным.

Не на пути психофизического **дуализма**, разделения двух начал или субстанций - "мышления" и "протяжения", каждая из которых первична, независима и несводима к другой. Дуализм, как и плюрализм, - это разновидности того, что Рассел называет монадизмом, т.е. признанием в основе мироздания множества независимых "монад", самодостаточных субстанций.

Проблема "материального" и "идеального" решается именно через **универсалию-предлог** (а не существительное или прилагательное), обозначающую устойчивый способ отношения разных субстанций как переменных. Основной вопрос философии решается реляционно -

черезкольцевую **В-структуру** взаимной "ввернутости" и "окруженности", которая раскрывает переменную функцию разных начал в отношении друг друга. Первичное и вторичное меняются местами в объемлющих друг друга горизонтах бытия и сознания. Философская система, **конгениальная языку** в его глубинном синтаксисе и в сумме всех речевых актов о мире, начинается не с понятий бытия или сознания, а с того простейшего, что включает их друг в друга - с предлога "в". Я всегда застаю свое сознание уже в мире, и вместе с тем всегда застаю мир внутри своего сознания.

"**В**" - это и есть кратчайший ответ на так называемый основной вопрос философии: что первично - мысль или мир? Первично именно "**В**" - взаимная окольцованность субъекта и объекта познания, их *вложенность друг в друга*. "**В**" - не составная и не производная, а простейшая и исходная структурамиромысли, **бытезнания**, в неразложимости, точнее, **взаимовключенности** онтологической и эпистемологической составляющих. Эти две рамы: бытие и сознание - вставлены друг в друга, причем динамически чередуются в порядке взаимных обрамлений.

6. "**В**" и великая цепь бытия

В классической философии (Декарт, Спиноза, Лейбниц) сложился образ "**великой цепи бытия**", которая непрерывностью сцеплений ведет от несовершенных творений к более совершенным и к самому Творцу, так что невозможно изъять из этой цепи никаких слабых или посредствующих звеньев - они нужны для полноты мироздания. [9] Предлог "в" помогает нам более буквально и вместе с тем концептуально истолковать этот образ, поскольку он описывает модус, каким одно звено сцепляется с другим: **одновременно охватывая и охватываясь**. Расплетая "великую цепь", мы получаем отдельные разорванные звенья: "бытие" и "познание", "материя" и "дух", "объект" и "субъект", "физика" и "психология" и другие более частные познавательные категории. Но скрепляющая основа всего - то, что держит все эти звенья вместе, сцепляет их и делает цепью - "**в**".

Китайская эмблематика начал Инь и Ян, земного и небесного, женского и мужского, - восточный вариант "великой цепи бытия", изобразительный иероглиф того, что обозначает предлог "в". Женский темный кружок вписан в мужское светлое поле, а мужской светлый - в темное женское, и вместе они, обнявшись, образуют круг.

"**В**" имеет значение для понимания сущности любви, которая как бы сплетает любящих, влагает их друг в друга и обвивает друг другом. Любовь - это "в" как отношение двух личностей, состояние их взаимовключенности. В этом смысле "великую цепь бытия" можно истолковать как любовный взаимоохват всех ее звеньев. Причем любовь - это "**в**" не как статическое "где" (in), а как

динамическое "куда" (into), сила влечения, точнее, **во-влеченности**. Любящий хочет быть внутри любимого и одновременно объять его и замкнуть в себе: окружать собой окружающее себя. Любящие сплетаются, как колечки в самой букве "в".

Предлог "в", таким образом, есть кольцо взаимовключенности или, как сказали бы гностики, **взаимоплененности** сознания и мира. Главная философская весть: **в - есть. В-естность** всего. Из этой "в-ести" могут быть выведены другие онтологические, познавательные, психологические, эстетические категории. Например, психология в значительной степени базируется на нашей способности **восприятия**: зрение, слух, осязание и другие ощущения, посредством которых внешний мир делается частью внутреннего. А эстетика - на нашей способности **выражения**: речь, жестикуляция, рисование, лепка, посредством которых наш внутренний мир делается частью внешнего. Восприятие и выражение пересекаются, точнее, взаимовыворачиваются в точке **"в"**: мир во мне (восприятие), я в мире (выражение).

Напомню известную мысль Паскаля: "...С помощью пространства Вселенная охватывает и поглощает меня, а вот с помощью мысли я охватываю Вселенную" ("Мысли", 348). Для Паскаля достоинство человека - в том, чтобы мыслью охватывать Вселенную, которая охватывает его пространством. Но именно **взаимоохват** этих двух кругов создает самого человека как узел ввернутости-вывернутости, как главное "в" мироздания. Человек - это непрерывность **перехватов** его тела и мысли с окружающим миром: мир охватывает человека в точке его тела, а человек охватывает мир в круге своей мысли.

Отсюда двойственное положение человека в мироздании, как страдающего и мыслящего существа, что кратчайше выражено в пушкинской строке: "Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать". Мышлением человек охватывает то, чем он сам охватывается страдательно. Одно невозможно без другого, как невозможно кольцам сцепиться, не охватывая друг друга. По словам Карла Ясперса, "объемлющее, которое есмь я, как бы объемлет объемлющее, которое есть само бытие, и одновременно объято им". [10]

Само наличие мыслящей личности (интеллигентного индивида) как представителя *homo sapiens* можно объяснить именно возрастающей сложностью и объемностью колец. В растении содержится семя, которое само содержит в себе будущее растение, так что "в" действует и в природе, но лишь в малом объеме. Особенность сознания состоит в том, что оно может охватывать собой бесконечность, которая простирается вне его, и при этом само охватывается этой бесконечностью - до степени своего почти-отсутствия в мире, неявленности, невещественности. По своей материальной вместимости сознание меньше всего сущего, меньше горчичного зерна, ибо оно вообще не материально; а по своей идеальной вместимости оно превосходит окружающую вселенную, поскольку может охватывать иные, несуществующие, возможные миры. Таким образом, наибольшее оказывается в наименьшем, и этим

замыкается структура кольцевания: всё, охватывая собой "ничто" (как называет сознание Сартр), само оказывается внутри него. Мыслящая личность - это и есть точка взаимовхождения и взаимосцепления наибольших колец, бесконечного мироздания и бесконечного сознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, кратчайшим ответом на вопрос об отношении сознания и материи может послужить одна-единственная буква, она же - морфема, лексема, понятие и философская категория. Мы не можем полностью объяснить, **в** чем смысл или причина этого "в", потому что "в" очевидным образом предшествует нашему вопросу и деятельности сознания **в** мире. Само разделение на сознание и мир есть следствие того, что для "в" требуются носители: кольца, звенья, горизонты, окружающие и окружаемые... "Сознание" есть название того исчезающе малого, что отовсюду окружается миром (материально), и одновременно того безгранично большого, что окружает его (идеально). Само "В" структурирует мир таким образом, что вещи являются выпуклыми и вогнутыми, чтобы обнимать и наполнять друг друга. Отсюда этика терпения и мужества, впускаения в себя и вхождения в другого...

Взаимное кольцевание выражено в самом двукружном начертании буквы "в". Как и цифра **8**, буква **В** - знак бесконечности: один круг входит в другой, как звено в звено, образуя "великую цепь бытия". На плоскости письма эта фигура взаимосцепленности может быть выражена, конечно, только соприкосновением колец в той точке, где трехмерно они должны охватывать друг друга.

В заключение можно предложить особый способ чтения текстов, выделяющий в них то, что чаще всего проскальзывает мимо внимания: предлог "в" и другие служебные слова. При обычном чтении они оказываются как бы невидимыми, поскольку все внимание обращено на знаменательные слова и их сочетания, на "кирпичи", а не сцепляющий их "цемент", меняющий всю кривизну смыслового пространства. Я бы назвал такой метод "**предложным**" чтением - **prepositional reading**, в отличие от **propositional reading**, которое направлено на суждения, пропозиции, тот аспект высказывания, который выражен знаменательными словами. [11]

Прочитав такие суждения:

"сознание существует в мозге как фантомное проявление его нейронной активности", и

"мозг существует в сознании как фантомный объект его интроспекции, самонаблюдения", -

мы склонны интерпретировать их как противоречащие друг другу на **пропозициональном** уровне. Первое звучит как физикалистское утверждение, второе как идеалистическое. Но если мы прочитаем эти высказывания **препозиционально**, логически выделяя не существительные и глаголы, а предлоги, мы обнаружим их обратимость: сознание действует изнутри мозга, но сам мозг предстает таковым только изнутри сознания (как предмет наблюдения и осмысления). Эти два суждения вскрывают обратимость самого "в", окольцованность мира и сознания друг другом. Препозициональное чтение открывает в философских текстах их "грамматическое бессознательное", которое находится по ту сторону выраженных в них идей, мнений, суждений.

Примечания

1. Universals and Particulars: Readings in Ontology, ed. by Michael J. Loux. Notre Dame, London: University of Notre Dame Press, 1976, pp. 27-28.

2. Частотный словарь русского языка, под ред. Л. Н. Засориной. М., "Русский язык", 1977, сс. 827, 913.

3. Из знаменательных слов самое употребительное в русском языке - глагол "мочь", но оно занимает в этом частотном списке только 35-ое место (3373 случаев употребления на миллион слов, см. Частотный словарь..., с. 807). Как философская категория, предикат "мочь" описывается в книге: Михаил Эпштейн. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб., Алетейя, 2001, сс. 283-321.

4. О мировоззренческом значении определенного артикля "the" и о "the-ism" как философской концепции см. Учение Якова Абрамова в изложении его учеников. Составление и предисловие М. Н. Эпштейна Л О Г О С. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Книга 1. Разум. Духовность. Традиции. Л., Издательство Ленинградского университета, 1991, 227-231.

5. Л. Витгенштейн. Философские исследования, 371, 373, в его кн. Философские работы, М., Гнозис, 1994, ч.1, с. 200.

6. Русское "в" передается по-английски не только предлогами in, inside (6-ое место), но очень часто и предлогом at, который употребляется примерно в три раза реже, чем in, но в совокупности с ним мог бы передвинуть значение "в" на 4-ое место в частотном словаре английского.

7. См., например: Catalano, J. Thinking Matter: Consciousness from Aristotle to Putnam and Sartre. Routledge, 2000. O'Shaughnessy, B. Consciousness and the World. Oxford University Press, 2000; Sturgeon, S. . Matters of Mind: Consciousness, Reason and Nature. Routledge, 2000. См. обширную библиографию

<http://www.u.arizona.edu/~chalmers/biblio.html>

8. Universals and Particulars, цит. изд., сс. 27-28.

9. Arthur O. Lovejoy. The Great Chain of Being. A Study of the History of an Idea. New York: Harper & Row, Publishers, 1965, p. 52.

10. Карл Ясперс. Философская вера, в его кн. Смысл и назначение истории, М., Изд. политической литературы, 1991, с. 427.

11. Preposition - предлог; proposition - предложение, утверждение, заявление, суждение (в логике, философии).